

Конан

Андрей Мартьянов

Камень желаний

«Лениздат»

Мартьянов А.

Камень желаний / А. Мартьянов — «Лениздат», — (Конан)

В повести из `Саги о Конане` читателей ждет повествование об увлекательных похождениях киммерийца в городе воров Шадизаре.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Олаф Бьорн Локнит Камень желаний

Глава первая

Магия и жулики

г. Шадизар, Замора.

Лето 1264 года по основанию Аквилонии.

– О, юноши, неужели так сложно понять, что играть с подобными вещами совершенно не следует? Если вы не думаете о других людях, то подумайте хотя бы о собственном благополучии! Развлечения развлечениями, но... В один прекрасный день вы попросту сожжете наш прекрасный городок или вызовете из Черной Бездны столь невероятное страшилище, что бороться с ним можно будет только одним способом – немедленным и героическим самоубийством!

– Герат, зачем говорить столько лишних слов, когда можно сказать просто: эта штука-вина может быть опасной! Тогда ответь, кому из живущих в Шадизаре магов ее можно выгодно продать? Или проще съездить в Арэнджун? Или в Коф? Я слышал, будто в Хоршемише существует целый квартал лавок, где торгуют магическими принадлежностями и каждый желающий может выгодно продать любую волшебную вещь... Конан, что скажешь?

– Откуда я знаю, Ши? Волшебство, конечно, бывает полезно, но только не для нас с тобой. Сплошные неприятности от этого поганого колдовства. Не люблю магию.

– Со временем полюбишь. Герат?..

– Что – «Герат»?

– Ты все-таки колдун. Покупай!

– Не колдун, а волшебник, это во-первых. Во-вторых: Белая магия с подозрением относится к не-человеческому колдовству, а ваш медальон явно создан альбами или, возможно, существами которые именовали себя «Кро мара». Они давным-давно вымерли. Нет, не возьму. Даже если будете предлагать настырно и совершенно бесплатно.

– А ты, как я погляжу, человек принципов.

– Как и ты, достойный Ши Шелам, как и ты...

* * *

Сия беседа происходила в одной из комнат богатого и очень вместительного дома, стоявшего на улице Мраморных львов, что рассекает напополам шадизарский квартал Бейдаль.

Надобно непременно сказать, что Бейдаль является одним из самых благопристойных и тихих кварталов города – тут располагаются дорогие таверны и постоянные дворы для обеспеченных путешественников, в Бейдале любой желающий может посетить самые блистательные бордели, ненавязчиво именуемые владельцами «Домами отдохновения» или приятно провести время в салонах, кои содержат выходцы из столь цивилизованных и культурных стран, как Аквилония, Немедия или Зингара.

Здесь вас не ограбят среди бела дня и не ударят ножом просто ради развлечения, а если и случилась такая неприятность, то вы можете запросто пожаловаться либо начальнику стражи квартала, либо его «хозяину» – старшине сообщества «ночных цирюльников», каковой имеет власти даже поболее, чем назначенный заместником Шадизара прецептор квартала Бейдаль. По крайней мере «хозяин» мгновенно найдет вашего обидчика и примерно его накажет безо всяких проволочек и составления необходимых бумаг (обязательное наличие коих во время судебного дознания строгойше предписано господином заместником).

Итак, дом (а, вернее, поместье), находился возле самых городских стен. Эти кварталы города отличались большими и тщательно оберегаемыми садами, кипарисовой рощей, виллами богатых торговцев и огромным количеством искусственных ручейков – в Шадизаре воды

мало, центральная часть города пропылена и выжжена безжалостным полуденным солнцем, а тут выкопаны глубочайшие артезианские колодцы. Грустные ослики под присмотром рабов крутят деревянные ворота, дабы при помощи хитроумных механизмов влага из водоносных пластов поднималась на поверхность и попадала в специальные желобки, по которым она растекается в сады богачей... Певчие птички, павлины, по веткам деревьев прыгают прирученные обезьянки, у ворот усадеб можно заметить вооруженных людей – личная охрана хозяев... Словом, идиллия.

Но в таком случае встает вопрос: почему в доме, принадлежащем известному волшебнику Герату Айбенилю находятся двое подозрительных гостей, каковых по неписаным законам Бейдаля следовало бы выставить с улиц квартала со скандалом и руганью? Выставить туда, где им самое место: в отвратительные трущобы Нарикано, где означенная парочка и проживает!

Впрочем, достопочтенный месьор Герат имеет полное право принимать у себя в поместье кого пожелает. Если волшебнику нравится общаться с отбросами – пожалуйста! Шадизар – свободный город и никакие законы не говорят о том, что волшебник не может переговорить с двумя проходимцами по интересующему его вопросу.

Самому Герату, восседавшему во главе роскошного овального стола эбенового дерева, едва исполнилось тридцать лет. Скажем прямо: для волшебника возраст малопочтенный. Худощавый, очень загорелый, со щеточкой черных усов над верхней губой. Одет в пышную атласную хламиду цвета снега с неременной золотой вышивкой на груди в виде солнечного диска – символ Белого Конклава магии Света.

Перед Гератом на столе громоздятся серебряные кувшины с лучшими винами и блюда с изысканными яствами, на стенах зала для приема гостей красуются пушистые ковры, в свою очередь украшаемые коллекциями редкого оружия и магических артефактов...

А вот по правую руку от молодого волшебника восседают два оборвыша. Первый, невысокий, смуглый и худенький ведет разговор. Второй – парень лет двадцати по виду (на самом деле ему едва исполнилось шестнадцать) – предпочитает помалкивать и слушать. Он вымахал аж до четырех локтей и двух с половиной ладоней от пяток до макушки, носит чуть испачканную сажей сероватую рубаху с обрезанными рукавами (в Шадизаре, если кто не помнит, летом очень жарко) и холщовые штаны, заправленные в мягкие бежевые сапоги; буйные черные волосы схватывает на лбу кожаным ремешком, а широкий пояс украсил скромным кинжалом.

В квартале Нарикано имена этих двух молодых месьоров хорошо известны – Ши Шелам из Шадизара и Конан Канах из Киммерии. Живут они в таверне «Уютная Нора» и подвизаются в шайке некоего Аластора Кайлиени, знаменитого шадизарского воруги, имя коего прославлено в легендах – никому, кроме Аластора, доселе не удавалось забираться в сокровищницы гномьей общины Шадизара и выйти оттуда живым!

Конан Канах поселился в городе несколько лун тому и успел немного привыкнуть к беспокойному Универсуму Шадизара – согласимся, что сей человеческий улей является эдакой маленькой вселенной, крохотным мирком, маленьким чешущимся прыщиком на сиделище Большого Творения. Свои законы, свои традиции, свой говор и собственное наречие, понятное, однако, большинству воров Закатного материка.

Шадизар уникален, точно так же, как уникален Конан – единственный выходец из далекой и почти сказочной Киммерии, обитающий в недрах столицы Заморийского протектората.

А вот Ши Шелам – коренной замориец, чьи деды и прадеды вкупе с бабушками и прабабушками жили под жгучим шадизарским солнцем – есть плоть от плоти города. Пропечен солнцем и пропитан местными нравами, знает все и про всех, встретить его на улице – Ши покажется такой же обязательной частичкой города, как виселица на главной площади, серовато-желтые камни зданий или откормленные шадизарские крысы, являющиеся главным проклятием городских рынков.

Итак, что же понадобилось двум мелким жуликам из Нарикано в доме почтенного волшебника Белого конклава?

Ши и Конан объявились утром, вскоре после рассвета. Остановились у ворот поместья, через привратника попросили встречи с месьором Гератом и, сопровождаемые донельзя подозрительными взглядами телохранителей волшебника, проследовали в гостиную, более смахивавшую на один из самых роскошных залов дворца туранского императора.

Пока ждали волшебника, совершавшего непременно утреннюю медитацию, за оборванцами в оба глаза приглядывал смотритель-дворецкий – как бы чего не сперли! После каждого визита Ши слуги недосчитывались то золотой статуэтки, то завалявшейся на полках драгоценной безделушки из коллекции господина, однако уличить мальчишку ни разу не удавалось. Куда он прятал схищенные предметы оставалось лишь догадываться.

– А-а, мои драгоценный друзья! – Герат, шелестя полами белоснежного балахона стремительно вошел в залу и сразу направился к гостям. – Не ждал, не ждал... Присаживайтесь! Вина?

– Вина, – согласился Ши. – «Либнумскую лозу». Если, конечно, мы вправе выбирать.

Герат даже бровью не повел, хотя «Либнум» спокон веку считался на Закате самым дорогим вином. Слуга молча принес серебряный кувшин с запотевшими боками – прямиком с ледника! Неслыханная роскошь! Впрочем, Герат Айбениль считался очень богатым человеком и мог позволить себе любые чудачества.

– Заметьте, я никогда не спрашиваю, откуда вы достаете вещицы, которые приносите на продажу, – усмехнулся Герат, пригубив вина. – Надо полагать, находите на улице?

Конан промолчал, а Ши расплылся в лучезарнейшей улыбке:

– Твой проникательность, о могучий, достойна... э... – парнишка запнулся, не зная, как продолжить задуманную вежливую фразу. Взглянул на Конана, но ожидать помощи от дремучего варвара было бессмысленно: киммериец вообще не разбирался в напыщенной куртуазии. – Герат, ну скажи, какая тебе разница, где мы отыскиваем предметы, которыми ты интересуешься?

– Никакой, – пожал плечами волшебник, усмехнувшись в бороду. – Чем ты порадуешь меня на этот раз?

Ши полез за пазуху, извлек нечто тяжелое, округлое и завернутое в омерзительно грязную тряпку, после чего выложил добычу на стол.

– В эту, с позволения сказать, ткань, стадо буйволов сморкалось? – Герат брезгливо коснулся свертка кончиками холеных пальцев и сразу отдернул руку. – Покажи, что там?

Ши преобразился. Мурлыча и сочась елеем смуглый воришка завел сладкие речи о том, с какими трудностями удалось раздобыть эту редчайшую, красивейшую и, без сомнения, наиболее волшебнейшую вещь. Теперь же он, Ши Шелам, зная о приязни, каковую испытывает мудрый Герат Айбениль к своим старым друзьям, жаждет данный раритет продать.

Ши не сомневается, что в качестве материального воплощения сией приязни месьор Герат возжаждет приобрести означенную вещь для своей коллекции, скажем за... Всего только за пятьдесят золотых немедийских ауреев. Смешная сумма! А если учитывать богатство, щедрость и великодушие хозяина этого замечательного дома, то какие-то жалкие пятьдесят ауреев покажутся благородному Герату лишь невзрачной пылинкой, рядом с сокровищем, каковое ему предлагается за сущий бесценнок...

Конан понимающе покивал. В благородном искусстве торговли Ши Шеламу равных не было – он умел заговорить зубы любому покупателю. Но и Герат, как шадизарец по рождению, был не лыком шит.

Сделка не состоялась по двум причинам. Во-первых, Герат собирал коллекцию магических артефактов относящихся лишь к светлому волшебству и старался выполнять требования конклава – нельзя использовать «чужую» магию, поскольку она порождена не-человеком, а, следовательно, может нести в себе Тьму. Во-вторых, месьор Айбениль так и не сумел уяснить,

каково же истинное предназначение медальона, предъявленного Ши Шеламом и его хмурым приятелем-варваром.

Артефакт являл собой платиновый овал с рунической надписью по кругу, причем руны явно принадлежали древнему алфавиту альбов. В центре вытянутого диска – не слишком дорогой мутный темно-зеленый изумруд скверной огранки. К медальону прикреплена простенькая серебряная цепочка – металл потускнел от времени.

На первый взгляд, ничего необычного. Но если взглянуть на изумруд, станут заметны пробегающие внутри камня зеленые искорки, а если коснуться камня, то человеческий палец окутает малахитовое сияние и проскочат безболезненные тонкие молнии. Именно благодаря данным свойствам медальона Ши Шелам принял решение немедленно продать его одному из знакомых магов – простому человеку с колдовством связываться не следует. Ибо, как было выяснено на собственном горьком опыте последних лет, сие чревато мелкими и крупными неприятностями...

– Не возьму, – решительно сказал Герат, отодвигая прочь медальон. – Добудете что-нибудь более... гм... понятное – милости прошу в гости. Не желаю покупать kota в мешке! С магией древних шутки плохи! Откуда мы знаем, вдруг завтра из этой штуковины вылезет нечто клыкасто-когтистое и выразит желание мной позавтракать? Или превратит Шадизар в огромную кучу навоза?

– Зачем лишний раз трудиться? – уныло спросил Ши. – И к чему превращать навоз в навоз? Ты можешь хоть приблизительно определить, какими свойствами обладает медальон? Чтобы мне было проще говорить с другими покупателями? Например, он может обращать медь в золото или даровать глубоким старцам великую мужскую силу?

– Ни то, и ни другое, – покачал головой волшебник. – Предполагаю, что этот артефакт был создан альбами для управления... Управления чем-то, о чем мы не знаем. Видишь, на металле выгравированы руны повеления?

– Не разбираюсь, – отрекся Ши.

– Альбы умели приказывать существам сверхъестественным. Демонам, драконам, духам... Это давно позабытое искусство.

– Может, мы тогда пойдем? – густым баском сказал Конан, вставая с кресла. – Прости, уважаемый, за беспокойство.

Ши с сожалением посмотрел на кувшин «Либнума» опустошенный только наполовину. Киммериец поднял приятеля за ворот.

– Рекомендую обратиться в лавку Аль-Руди из Турана, на улице Красного Тигра – с улыбкой посоветовал Герат. – Пятьдесят ауреев он не даст, но на два десятка можете рассчитывать смело.

– Два десятка? – возмутился Ши. – Камушек вынем, платину переплавим, продадим ювелирам. Выручим не меньше тридцати пяти золотых... Спасибо, Герат!

Конан завернул драгоценность в тряпку и сунул под рубаху.

– Эй! – окликнул волшебник гостей, направившихся к выходу в сад. – А плата за консультацию?

– Жадина, – буркнул Ши, полез в пояс, извлек монетку и бросил ее на стол. – Хватит?

– Благодарю, друзья! – расхохотался Герат, узрев перед собой самую мелкую медяшку с гербом Заморийского протектората. – Обязательно приходите еще!

– Куда ж мы денемся... – не оборачиваясь бросил Ши и вместе со своим высокорослым дружкой исчез за резной дверью.

Волшебник покрутил в пальцах жалкую, тусклую монетку. Жестом подозвал дворецкого.

– Отнеси в сокровищницу, – сказал Герат, отдавая монету слуге. – Эти полоумные не знают, чем разбрасываются. Чеканка времен короля Аргилло Второго, этому кругляшку целых

шестьсот пятьдесят лет! У любого собирателя редкостей за него можно выручить сорок золотых! Эх, молодежь, молодежь...

– Мой господин, а куда пропал золотой амулет Митры, который висел на эфесе аквилонского меча из твоей коллекции?..

Герат поглядел на редкий клинок, на дверь, снова на клинок, что висел на ковре рядом с многочисленными братьями, и едва не задохнулся от хохота. К невероятному удивлению рассерженного и чересчур наблюдательного дворецкого, Герат только махнул рукой и выдавил, сквозь слезы:

– Куда пропал? Да какая разница? Куплю другой!

Глава вторая

Пришествие обжоры

Атику – нынешнюю великую любовь Ши Шелама – Конан открыто не одобрял.

Атика носила облик тощей взбалмошной девицы в голове которой бушевал не просто ветер, а самый настоящий ураган. О понятии «благодичиние» Атика имела самое отдаленное представление и, как следствие, благодичиния не придерживалась. Впрочем, в Шадизаре такое отношение к жизни было в порядке вещей и Конан начал к этому привыкать.

Но к Атике молодой киммериец привыкнуть никак не мог – это не женщина (какая, к демонам, женщина?! Девчонка сопливая!), а самое настоящее стихийное бедствие, почище любого смерча! Ши Шеламу, однако, Атика безумно нравилась – он полагал, что это нелепое существо является если уж не олицетворением женщины его мечты, то стоит весьма близко к лучезарному идеалу.

Идеал, в отличие от абсолютного большинства легкомысленных приятельниц Ши, был обременен ремеслом. Как утверждала сама Атика, ремесло это было стократ серьезнее и важнее любых других приличествующих женщинам занятий, начиная от банального рукоделья и заканчивая трудами на ниве убажания сильной части человечества в многочисленных увеселительных заведениях Шадизара.

Атика несла радость людям. По крайней мере она сама так утверждала. Радость она несла (как выражался Конан – «наносила») через участие в представлениях «Труппы месьора Каланьяса», а если попросту – фиглярского балагана, обосновавшегося неподалеку от Каменного рынка, главного средоточия торговой жизни замечательного заморийского городка...

Владелец балагана, уважаемый господин Каланьяс из Зингары, по вполне справедливому мнению Конана, коего Ши по меньшей мере раз в седмицу едва не силком затаскивал на представления, был полоумным злобным монстром. Огромный, толстый, бородатый, пышущий здоровьем телесным и явно обделенный здравием душевным, месьор Каланьяс изумлял своими сценическими паскудствами даже неискушенного в высоких искусствах киммерийца.

Пьесы для балагана Каланьяс измышлял самостоятельно, причем полагал себя выдающимся сочинителем наподобие знаменитого Стефана Короля Историй. Впрочем, сценки частенько получали вполне доходчивые и понятные каждому названия: «Неверная жена», «Король и мельничиха» или «Богиня красоты».

Более серьезные произведения поименовывались куда сложнее. Например всего десять дней тому, Каланьяс явил почтеннейшей публике «Историю о деяниях славного герцога Лорито, утопившейся девице и потерянном царственном младенце». Ши Шелам, в обязательном порядке явившийся на представление, был в восторге – во-первых, «утопившуюся девицу» играла Атика, во-вторых Ши обнаружил в пьеске ведомые лишь ему одному глубины и посчитал, что месьор Каланьяс знаком с трактатами лучших аквилонских и офирских философов, хотя сам не прочел ни единого, поскольку считать Ши Шелам умел гораздо лучше, чем читать, а считал он преимущественно медь, серебро и (гораздо реже) золото.

Конан, покинув сколоченный из грубых досок и задрапированный кричаще-яркими тряпками небольшой амфитеатр, долго плевался, бурчал о вопиющем неблагочичинии и сказал, что впредь к этому вертепу он теперь не подойдет и на лучный перестрел. Ши немедленно обиделся, обозвал приятеля дикарем и варваром, не понимающим и не видящим прекрасного. Киммериец, как обычно, не обратил на оскорбленные вопли друга никакого внимания, поскольку Ши разбрасывался глупыми словами ежедневно и по много раз.

...После неудачного визита к Герату Айбенилю неразлучная парочка вернулась домой – в таверну «Уютная Нора», принадлежавшую Лорне Бритунийке, бывшей наемнице и искатель-

нице приключений на больших и малых дорогах, а ныне добропорядочной шадизарской горожанке и гильдейской трактирщице. Злые языки, однако, утверждали, что в действительности «Нора» находится не столько во владении Лорны, сколько Райгарха-асира, здешнего вышибалы, с которым Лорна открыто состояла в игривых отношениях.

– Продали? – осведомился здоровенный, как нордхеймский мамонт, Райгарх, бдевший возле входной двери. – Лорна сказала, что если не продадите – вышвырнет обоих на улицу. Никакой магии в доме, ясно? Надоело!

И хозяйке, и самому Райгарху, по большому счету, на магию было плевать, однако недавние события, связанные с волшебным жезлом превратившим трактирный нужник в странное полуживое существо имеющее неприглядный образ деревянной будки о восьми паучьих ногах, привели Лорну в бешенство. Столь необходимая в хозяйстве пристройка теперь бродила по заднему двору, пугала куриц и посетителей таверны, а ночами вела долгие и занудные философические беседы неизвестно с кем.

Превратить нужник обратно не удалось даже Герату, которого позвали посоветоваться – как теперь быть? Волшебник осмотрел ожившую будку, повздыхал, покачал головой, сказал, что надо подождать – вдруг все само собой образуется? – и с тем в недоумении отбыл. Райгарху же пришлось рыть вторую выгребную яму и сколачивать новое отхожее место взамен сбежавшего.

С тех пор Лорна поставила для своих шептунных постояльцев неременное условие: если по их вине начнутся новые колдовские безобразия, то Ши, Конан, Аластор и вся прочая развеселая компания может смело убираться вон и подыскивать себе другое место для жилья. Избавьте меня от любого колдовства, от которого одни неприятности!

– Так продали или нет? – повторил Райгарх, ухватывая Ши за ворот.

– Пусти, медведь! – сдавленно пискнул Ши. – Задавишь! Ничего не вышло! Герат отказался. И... И медальон вообще никакой не магический!

– Врешь ведь, как и всегда, – ответил Райгарх, разжимая могучую длань. – Ну гляди, подлец, случится чего – отделаю так, что твои внутренности станут наружностями! Кстати, там тебя эта драная кошка Атика дожидается... С самого утра.

Райгарх махнул рукой в сторону прокопченного обеденного зала.

Ши исподлобья посмотрел на вышибалу, прикидывая, как бы впоследствии пострашнее отомстить асиру за возмутительное хамство – это надо же, назвать очаровательную и талантливейшую Атику «драной кошкой»! Пока ничего разумного в голову Ши Шелама не приходило, поскольку связываться с нордхеймским дикарем было весьма чревато.

Конан, наоборот, был целиком и полностью с Райгархом солидарен. Атика и впрямь неуловимо походила на помойную кошку – тощая, как мальчишка, с торчащими ребрами и жиденькой гривкой медно-рыжих волос с желтоватыми подпалинами, одевается в живописные обноски, которые богатые горожане иногда отдают трупше господина Каланьяса – не пропадать же добру? Пускай послужит фиглярам...

– Ты представляешь, Ши, это будет успех достойный Тарантии или Бельверуса, поверь, честное-честное слово! – с ходу завела Атика, едва узрев своего ненаглядного дружка. Голос Атики вызывал у Конана немислимое раздражение – тонкий, скрипучий, визгливый и вздорный. Запусти Атику на полдня в одну из пирамид стигийского Птейона – всех мумий на ноги поднимет, будь они хоть пятьдесят раз мертвы! – Плотник Сагал уже делает новые декорации, такие большие штуковины, чтобы было похоже на пыточную, их еще в черный цвет потом покрасят... И цепи, конечно, кандалы, всякие закорюки, чтобы страшно было. Потом графа втащат туда два палача, таких здоровых, их месьор Каланьяс нанял из бывших базарных борцов, очень высокие и толстые, настоящие изверги...

– Постой, постой! – Ши уселся за стол рядом с Атикой, тщетно пытаясь выловить из ее сумбурных речений хотя бы одно рациональное зерно. – Во-первых здравствуй, моя... гм...

кошечка (звук поцелуя). Во вторых... Эй, есть там кто? Мне красного вина, Медвежонку – кружку пива! В горле пересохло!

Конан давно понял, что в Шадизаре ни единый человек без клички обойтись не может, а потому когда с легкой руки Ши Шелама большинство друзей и знакомых начали именовать его «Медвежонком» или, того чище, «Малышом» (большинство прозвищ, как известно, даются от противоположного), киммериец решил не обижаться. Если здесь так принято – придется смириться. Тем более, что по законам горцев Полуночи открывать всем и каждому имя, данное при рождении, вовсе не следовало – еще порчу наведут! Пусть уж лучше кличут Малышом.

Рилна, трактирная служанка, молча притащила вино и пиво для Конана – в соответствии с киммерийскими традициями он отвергал сок виноградной лозы в пользу ячменного напитка и приохотиться к вину доселе не сумел. «Уютная нора» жила своей обычной жизнью – несколько посетителей поглощали заказанные блюда, было слышно, как Лорна шумно помыкала прислугой на кухне, по доскам столов ползали одуревшие от жары мухи.

Атика, разрушая полусонное благолепие, безостановочно тарыхтела:

– ...Потом графа выводят на площадь, там у нас обязательно будут трубы, длинные, как у кезанкийских горцев, чтобы ревели и делали все торжественно, волосы у графа в крови, спина иссечена рубцами, палач готовится – месьор Каланьяс нарочно попросит у мясника топор побольше! А потом...

– Начнем сначала! – взмолился Ши. – Ты о чем рассказываешь, солнце мое? Какой еще граф?

– То есть как – о чем? – Атика остановилась на полуслове, будто о булыжник споткнулась. – Я уже целый квадранс талдычу: новое представление в амфитеатре! Месьор Каланьяс сочинил новую пьесу! Только вчера, понимаешь? Называется – «Трагическая повесть о мнимом преступлении графа Альдосо, клеветниках, несправедном суде и его ужасной смерти». Я буду играть возлюбленную графа, она потом бросится с утеса и разобьется о скалы! Здорово, правда?

Конан скептически хмыкнул и призадумался. Во-первых, киммерийца смущало название, в котором было упомянуто «...о несправедном суде и его ужасной смерти». Вот интересно, кто умертвил суд? Граф Альдосо, совершивший мнимое преступление, надо полагать? Во-вторых, в абсолютном большинстве представлений труппы Каланьяса Атика изображала девиц, которые в финале топились, травли себя ядом, закалывались кинжалом, вешались, прыгали со скал и крепостных башен, умирали от жажды в пустыне или там же пожирались тиграми, львами и медведями, хотя Конан точно знал, что в пустынях медведи не водятся. Но столь вопиющее однообразие Атике ничуть не приедалось и всякий раз она расписывала свою новую роль с вдохновением, достойным куда лучшего применения.

Атика тем временем продолжала изливать на влюбленно-восхищенного Ши подробности грядущего представления:

– И вот тогда, благородный граф Альдосо взглянул на своих мучителей и гордо скрестил на груди связанные за спиной руки...

– Ч-чего? – тут уже и невозмутимого Конана проняло. – Как? Связанные за спиной?

Ши откровенно фыркнул, но Атика не обратила на это безобразное зубоскальство никакого внимания, воскликнув:

– Так написано у месьора Каланьяса! Вы дальше слушайте, не перебивайте!

Конану стало скучно. Пока Атика продолжала восторженно верещать, описывая феерические по своей пошлости сцены, киммериец влил в себя содержимое кружки, и потребовал у Рилны еще одну. Стало легче. Окружающие перестали восприниматься как злонамеренные идиоты. Ши Шелам тем временем охал, ахал, воздевал очи горе, хлопал в ладоши – словом, вел себя преувеличенно, как и полагается тонкому ценителю.

От нечего делать киммериец вытащил сверток с изумрудным медальоном, отбросил ткань, положил артефакт на стол и принялся рассматривать.

История появления древней вещицы у Конана и Ши была, в целом, вполне тривиальной. Третьего дня Ши Шелам ненавязчиво стащил медальон в антикварной лавке купца Аль-Муртаба – достойный торговец отвлекся всего на один миг, и этого было достаточно для того, чтобы красивый платиновый овал перекочевал в секретный кармашек на поясе Ши.

Маленький негодяй потом оправдывался перед неодобрительно ворчавшим Конаном (киммериец с детской наивностью доселе полагал, что воровать можно только у бесчестных людей), что он просто не может пройти мимо красивой и никому не нужной вещи – медальон валялся в лавке Аль-Муртаба без всякого толка целую вечность, а теперь с его помощью можно порадовать какую-нибудь очаровательную девушку.

Было ясно, что под таковой очаровашкой подразумевалась Атика.

Подозрительные свойства, присущие артефакту, были замечены тем же вечером. Изумруд светился и сыпал крохотными искорками, притягивал к себе небольшие металлические предметы, а после того, как Ши попытался вынуть камень из оправы, чтобы как следует его рассмотреть, изверг тонкую зеленую молнию, которая подожгла стол. Начинающийся поджар был потушен совместными усилиями обитателей «Норы» – в ход пошло пиво и вино из кружек.

Лорна, в присутствии которой и произошел данный инцидент, потребовала немедленно – слышали, недоумки, *немедленно!* – удалить опасную вещь из дома. На ночь медальон можно спрятать во дворе, а утром сразу продать! Кому? Это уж пускай Ши придумает самостоятельно, не маленький!

За вчерашний день подходящего покупателя отыскать не удалось, а сегодня отказал даже Герат, давно и прочно знакомый с обустроившейся в «Норе» шайкой. Вообще-то волшебник считался приятелем Аластора, предводителя компании, но старался поддерживать хорошие отношения со всеми – Ши и его дружки исправно пополняли коллекцию белого мага и не просили за редкий товар чересчур много золота.

Конан, как природный варвар, только начавший знакомиться с «цивилизованной жизнью» (так именовал Шадизарское бытие Ши) магии сторонился, почитая оную делом нечистым, но считал, что такая маленькая штучка, как изумрудный медальон, чересчур вредоносной не может быть по определению – это ведь не демон, не чудовище из Черной Бездны и не могучий артефакт наподобие знаменитых Короны Сета или Мечей Скелоса, о мощи которых ходят легенды. Кроме того, медальон пока не сделал ничего плохого кроме приснопамятного поджога стола – окажись заключенное в нем волшебство действительно опасным, то означенная опасность проявилась бы давным-давно, обрушив на «Уютную Нору» и ее постояльцев неисчислимы бедствия. Следовательно, и страшиться нечего.

Известно, что предания о стародавних временах и сохранившиеся осколки знаний древности лучше всего сохраняются не в библиотеках огромных городов и не в головах убеленных сединами ученых мужей. Загляните в любую захолустную деревню в Бритунии, Немедии или Аквилонии, порасспросите стариков и жрецов, и вы узнаете о Кхарийской империи или Пифоне куда больше, нежели почерпнете из книг. В глухомани люди доверяются не тленному пергаменту, а собственной памяти, которая усердно оберегает прошлое.

Киммерия отнюдь не была исключением из данного правила. Едва ли один из тысячи обычных киммерийцев мог разобрать хотя бы две литеры аквилонского алфавита, зато практически каждый понимал значение рун или мог рассказать вполне достоверную сагу о предках-атлантах или о войне хайборийцев против Ахерона. Конан с детства был обучен руническим символам – отец-кузнец украшал защитными знаками оружие, бабушка гадала на рунических палочках, руны были высечены на священных камнях в святилище Крома... И на изумрудном медальоне Конан различил вполне знакомые символы – прежде руны принадле-

жали не-человеческим народам, наподобие альбов или подгорных гномов, но впоследствии древние алфавиты унаследовали люди и помнят их значение доселе...

Вот, пожалуйста. Сверху, сразу над камнем, оправу украшает руна «Терва», сиречь Мировое Древо, ствол жизни, символ пробуждения и расцвета. Дальше, по кругу, «Беркано», «Лауд», «Тарн»... Чего ж тут непонятного? Такой мудрый человек, как волшебник Герат должен был распознать эти символы и смысл, который они скрывают!

Конан дотронулся пальцем до верхней руны и отшатнулся. Изумруд взблеснул яркой зеленой вспышкой.

Ши, целиком погруженный в беседу о несчастной судьбе графа Альдосо и его возлюбленной, ничего не заметил. Атика тем более.

Камень на медальоне снова стал неживым и холодным. Будто ничего и не произошло.

* * *

– Т-там!.. Оно! Райгарх,пусти меня!

Дверь таверны распахнулась и в проем камнем влетел один из постоянных посетителей – месьор Сариф, низкорослый и толстенький владелиц шорной мастерской, расположенной в доме напротив. Внимательный Райгарх отметил про себя, что Сариф имеет вид взъерошенный и перепуганный, что никак не вязалось с привычным обликом уважающего себя мастерского.

– Пожар, грабеж средь бела дня? – асир слегка встряхнул бледного шорника, наткнувшегося напрямиком на вышибалу.

– Оно! Демон! – Сариф хватался за сердце, вытирал пот рукавом и вообще очень мельтешил. – Обжора!

Райгарх нахмурился. Неужели старый знакомец опять соизволил объявиться? Если так, то новый визит данного «знакомца» может грозить серьезными неприятностями.

Отпустив Сарифа, тотчас убежавшего к стойке – целить душевную рану кислым вином – Райгарх осторожно выглянул наружу.

Ну точно! И как теперь прикажете изгонять нежданного гостюшку?

Гостюшка висел в воздухе перед входом в «Уютную Нору» на высоте четырех локтей и чуть раскачивался на волнах горячего ветерка. Еще он скалил зубы, тихонько поворачивался вправо-влево, издавал звук, похожий на стрекотание кузнечика, но агрессивных намерений пока не являл.

– Что же ты такое? – задумчиво проворчал Райгарх, наблюдая за гостем. – И как бы тебя отправить обратно, во тьму, из которой явился?

...Несколько седмиц назад на тишайший и благополучный городок Шадизар свалилась невиданная прежде напасть. Через посредство волшебного жезла (каковой затем и превратил трактирный нужник в многоногое болтливое страшилище) разудалые постояльцы «Норы» сумели на краткий миг открыть нечто наподобие двери-портала ведущего в... Наверное, в некую пустоту меж мирами. Пустота, как выяснилось, была обитаема. Прежде чем портал захлопнулся, из сияющей холодными звездами бездны в трактир проскользнуло существо имевшее вид большого летающего пузыря неопределенно-коричневого цвета.

Опытным путем сразу же было выяснено, что «пузырь» почтивший своим визитом «Уютную нору» владел широченной пастью, оснащенной великим множеством треугольных зубов, имел дурной характер и был вечно голоден. Немедля после появления в «Норе» тварь сожрала черенок метлы, перекусила веревку, на которой висела здоровенная люстра-колесо и поглотила несколько предметов, коими Лорна, Конан, Ши Шелам и все прочие обитатели «Норы» начали в нее швыряться, пытаясь если не убить, то хотя бы выгнать чуду на улицу.

Положение, как и всегда, спасла решительная и тяжелая на руку хозяйка – Лорна изо всех сил звезданула тварюгу дубинкой, каковая была спрятана под стойкой с напитками.

Пузырь, будто выпущенный из пращи камень, со свистом пересек обеденный зал таверны, выбил слюдяное окно и с тем исчез в ночной тьме.

Впрочем, дальнейшая судьба твари вовсе не осталась покрытой мраком зловещей тайны. Зубастый демон (или что оно такое?) решил поселиться в Шадизаре, поскольку найти в городе пропитание было проще простого.

Дивное создание жрало все подряд. Смысл его бессмысленной жизни состоял в непрерывных и настойчивых поисках еды. Металл, дерево, камень – острейшим зубам летучего чуда был подвластен любой материал, а все съеденное неким волшебным образом навсегда исчезало в не столь уж и огромной по виду утробе. В один прекрасный день тварюга, уподобясь вурдалаку, объела висельников, украшавших собой перекладину на Волосьей площади. Спустя еще несколько дней Пузырь по одному ему ведомым соображениям откусил голову статуе Митры перед храмом Солнечного диска и был таков. Сильно поврежденной челюстями монстра оказалась и черепица на здании городской стражи.

Довольно скоро Пузырь (еще горожане называли его «Обжорой» и «Летуном») превратился в малоприятную и одновременно забавную достопримечательность Шадизара. Любой приезжий и житель города могли увидеть существо то задумчиво обгладывающим гранитную кладку фонтана в квартале Бейдаль, то бездеятельно висящим над рыночной площадью, то пролетающим над крепостными стенами, которым, кстати, тоже досталось от его зубов – барбикен Туранской башни изголодавшееся чудище прогрызло насквозь, образовав в каменной кладке неровную дыру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.